

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИЙ ПРАВА, МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Ю. В. Красильникова,

старший преподаватель кафедры «Менеджмент» НОУ ВПО «Московский институт управления»

Рассматриваются категории права, морали и политики в социологическом знании в контексте теоретико-методологического аспекта. Дается подробная сущностная, структурная и содержательная характеристика этих категорий в интерпретации их проявления в системе политической и социальной составляющей общества.

We consider the category of law, morality and politics in the sociological knowledge in the context of theoretical and methodological aspects. We give a detailed and incomplete, structural and content characteristics of these categories in the interpretation of their manifestation in the political and social dimension of society.

Ключевые слова: аспект, знание, категория, методология, мораль, право, политика, социология, теория.

Key words: aspect, the knowledge category, methodology, ethics, law, politics, sociology, theory.

Длящиеся широкие общественные преобразования, осложняющиеся кризисными явлениями, внедряют в сознание и поведение людей компонент неуверенности в будущих перспективах. Эта неуверенность в условиях состояния нестабильности может приводить (и весьма часто приводит) к изменению в мировоззрении отдельных людей и, как следствие, в их поведении.

Одним из важнейших направлений таких изменений становится трансформация гражданского правосознания в направлении сокращения и сужения запретительного комплекса категорий в отношении поведения и деятельности. В этих условиях особую важность приобретает государственная функция по формированию и поддержанию общественного правопорядка как одного из важнейших институтов общественной стабильности.

Период смены социально-политических условий сопровождается и переустройством механизмов социальных взаимодействий. В связи с этим большое значение имеет анализ фактических результатов происходящих преобразований. Причем не только экономических трансформаций, которые постоянно находятся в центре общественного внимания, но и социальных последствий реформ: изменений социальных качеств людей, в том числе структуры их актуальных ценностей, важнейших нормативных основ социальной жизни, социальных притязаний и потребностей, гражданских и политических позиций.

В современной России проблема правосознания приобретает особое социальное значение, поскольку сопровождается негативными изменениями инвариантной части культуры, кризисом ее основ – норм, ценностей, целей, идеологии, социальная комплексность и смысловое единство которых являются залогом целостности и воспроизводства общества.

Любая совокупность знаний не может называться наукой до тех пор, пока она не изучает закономерности, характерные для определенного объекта исследования. Законы социологии как науки основаны на повторяемости определенных явлений, происходящих в человеческом обществе. Согласно определению, данному известным российским социологом Г.В. Осиповым, социальные законы представляют собой относительно устойчивые и систематически воспроизводимые отношения между народами, нациями, классами, социально-демографическими и профессиональными группами, а также между обществом и социальной организацией, обществом и семьей, обществом и трудовым коллективом, обществом и личностью, социальной организацией и личностью [1, 2].

Для того чтобы проследить взаимосвязь права, морали и политики в социологическом знании, нам следует указать на не получивший еще требуемой ясности вопрос о разграничении сфер компетенции философии, политологии, этики, теории права и новой самостоятельной дисциплины социологии права. Вопрос этот остается достаточно острым и обсуждается по настоящее время широким кругом специалистов: философами, социологами и юристами. В такой ситуации тем более интересны взгляды видных западных мыслителей, закладывавших основания социологии права [5].

В числе таких попыток обращает на себя внимание концепция американского социолога Ф. Селзника (г.р. 1919). Согласно этой концепции правовой порядок вызван к жизни одной социальной целью – блокировать индивидуальный произвол. Эта важнейшая социальная функция любой правовой системы, какой бы по содержанию она не была, а Селзник прямо указывает на связь правовых систем с культурой и историей, возможна благодаря осознанию ответственности, и право актуализируется именно тогда, когда это осознание пробуждается и закрепляется.

Несколько иную интерпретацию естественного права предлагает Л.Л. Фуллер (1902–1997 гг.). Считая подобно Селзнику, что правовая регуляция и правотворчество связаны с социальными целями и потребностями, Фуллер, однако, исходит уже не из сознания ответственности, присущего «правовому человеку», а из осознания морального долга. По Фуллеру, естественное право развивается из моральных представлений, «естественность» права заключается в «срастании» сущего и должного. Концепция естественного права Фуллера основывается на признании восьми принципов «внутренней морали» права. Эти принципы таковы:

- 1) всеобщность (все правовые системы без исключения строятся на моральных нормах и представлениях);
- 2) открытость (моральные законы открыты для всех и каждого);
- 3) предсказуемость (имеется в виду запрет на обратную силу закона);
- 4) ясность и понятность (опять же имеются в виду нравственные законы);
- 5) непротиворечивость (принцип непротиворечивости является обязательным условием жизнеспособности и эффективности любой моральной и, следовательно, правовой системы);
- 6) недопущение невыполнимых требований (другими словами, любой закон имеет смысл только тогда, когда он может быть выполнен);
- 7) стабильность (законы не должны часто изменяться, и всякая моральная система отличается исторической устойчивостью, резистентностью к нововведениям);
- 8) единство политики и права (расхождения декларируемых правил и принципов с реальными действиями со стороны государства и правительств подрывают всю систему правовой регуляции общества).

Теориям естественного права противостоят исторические теории права. Обычно называют основоположником исторической школы права Ф.К. фон Савиньи (1719–1861 гг.). Исходными в рассуждениях Савиньи были идея о «духе народа», который якобы определяет сложившуюся и развивающуюся в рамках каждой отдельной культуры (или у каждого отдельного народа) систему права, и идея подобия права языку, который развивается исторически. Задача юристов, по представлениям Савиньи, не издавать законы, а облекать в юридические формы то, что уже существует как «дух народа».

Другой видный представитель исторической школы права Г.Ф. Пухта (1798–1846 гг.) известен как автор книги «Обычное право», где анализируется предшествующая позитивному праву и занимающая

огромный исторический период система регуляции общественных отношений посредством обычаев и традиций. Можно сказать, что Пухта рассматривает обычное право как систему праправа.

Третий исследователь, также стоящий у истоков исторической школы права, Р. Иеринг (1818–1892 гг.) отстаивал идею, согласно которой право опирается исключительно на силу. Интересна получившая развитие и более адекватное понимание уже в XX веке еще одна идея Иеринга, выраженная в лаконичной формуле: «Здоровое право – здоровое общество». Здесь немецкий ученый не только указывает на прямую связь права со всей социальной организацией, но и на прямую зависимость последней от характера (качества) правовой системы.

Основателем сравнительно-исторической школы права в социологии следует по справедливости считать английского правоведа Г.С. Мэна (1822–1888 гг.) [4]. Он вошел в историю науки как глубокий знаток правовых систем Древнего Востока и основатель археографической социологии права. Особенно велики заслуги Мэна в исследовании исторической эволюции правовых систем. Он показывает, что все эти системы так или иначе развиваются из обычаев. Последние, стало быть, являются своеобразной платформой, на которой в дальнейшем строятся более или менее успешно и в разной степени совершенные правовые системы. Закон эволюции права впоследствии получил название «Закона Мэна». В своих глубокоаналитических исследованиях Мэн хорошо показал историческую и культурную относительность правовой действительности.

В 1913 г. в Мюнхене вышла книга «Основания социологии права». Ее автор – австрийский ученый Э. Эрлих (1862–1922 гг.) – писал в предисловии: «Центр тяжести развития права в наше время, как и во все времена, – не в законодательстве, не в юриспруденции, не в судебной практике, а в самом обществе» [7]. Выход в свет книги Эрлиха многие ученые склонны расценивать как рождение социологии права. И хотя труд австрийского исследователя практически начисто был лишен доказательного фактического материала и имел преимущественно абстрактно-теоретический характер, он действительно должен по праву рассматриваться как важная веха в окончательном оформлении школы социологической юриспруденции. Основаниями для такого заключения служат многие чрезвычайно важные установочные положения Эрлиха. В частности, он правильно пишет, что объяснение правовой действительности необходимо искать не в юридических конструкциях, а во взаимоотношениях людей. Существование государства, отмечает Эрлих, предшествует конституциям. Семья предшествует семейному праву. Договор (контракт)

предшествует договорному (контрактному) праву. Владение предшествует праву собственности и т. д. В целом организация человеческих ассоциаций не только по времени предшествует юридическим положениям, но и выступает как базис права, ибо именно из нее, основополагающей социальной структуры, исходят все правовые законы.

Эрлих создает учение о «живом праве». Последнее включает в себя не только юридические нормы, но и правила морали, этикета, поведения, требования моды и т. д. Мало того, что все эти нормы (правила) взаимодействуют друг с другом, переходят одно в другое, влияют друг на друга, они еще и эволюционируют, изменяются. И все эти разнообразные нормы и правила следует рассматривать как «социальные факты», существующие в реальной действительности и представленные в «человеческих убеждениях». Государство – лишь одна из многих других юридических ассоциаций, в числе которых значатся еще церковь, семья, различные корпоративные объединения и т. д. Все они обуславливают существование многообразных правовых норм, среди которых государственные законы – лишь одна особая разновидность, призванная выполнять функцию защиты государства и его интересов. Именно это право Эрлих называет «позитивным» и рассматривает его как часть «спонтанного правового порядка». И если за позитивным правом стоит государство, то за спонтанным правопорядком – общественное мнение.

К социологической юриспруденции относятся также учения немецкого ученого Ф. Хека (1858–1943 гг.) и американского правоведа З. Паунда (1870–1964 гг.) о связи законодательства с интересами тех или иных групп общества и даже отдельных индивидов. Несовпадение интересов служит причиной правовых конфликтов. Паунд делит все интересы на публичные, индивидуальные и общественные. Публичные интересы состоят из интересов государства – в его собственном существовании и сохранении как института и как гаранта общественных интересов. Индивидуальные интересы состоят из личных интересов, например, в защите собственности, семьи и т. д. Общественные интересы включают интересы в дальнейшем социальном прогрессе, общей безопасности, сохранения социальных институтов и др.

Свою оригинальную социологическую концепцию права создал Т. Гейгер (1891–1952 гг.). Сам он называл свою концепцию «социологическим правовым реализмом». Одна из фундаментальных работ этого исследователя, изданная в 1947 году, называется «Начала социологии права». Гейгер критикует распространенные трактовки права только как закона, нормы, что характерно для правового нормативизма, а также естественно-правового подхода. Право, как он считает,

следует рассматривать в широком контексте с историей, культурой, этногенезом. Заслуживают внимания и рассуждения Гейгера о социально-психологической канве права, важном значении обычаев и привычек в генезисе правовой организации общества. Значительное место в его исследованиях по социологии права занимают положения о классовой природе права.

В школу социологической юриспруденции следует включить и учение Ж. Гурвича (1894–1965 гг.), защищавшего идею «социального права», согласно которой каждое социальное объединение (класс, группа и т. д.) придерживается своей правовой системы, в связи с чем и возникает правовой плюрализм. Социальное право основано на «доверии», «согласии», «взаимопомощи». Это «право мира» и как таковое оно противостоит «индивидуальному праву» – «праву войны», «праву разобщенности». Для теории права ценным являются введение Гурвичем в оборот и разработка понятия «правовой опыты» с акцентом на его коллективную природу.

Позитивистская школа в социологии права представлена целым рядом учений, которые могут быть некоторым образом сгруппированы. В первую группу, исторически наиболее раннюю, могут быть включены так называемые «командные» теории права, которые развивали с некоторыми концептуальными различиями И. Бентам, Дж. С. Милль и Дж. Остин преимущественно в связи с философией утилитаризма.

И. Бентам (1748–1832 гг.), закладывая основания утилитаристского подхода к праву, формулирует главный принцип законодательства: «общественная польза». Соответственно, перед законодателем встает первая весьма ответственная задача: определить эту пользу, познать, в чем заключается истинное благо принимаемых законов. Общественная польза, рассуждает Бентам, заключается в максимально возможной сумме счастья, или «удовольствия» (именно это понятие употребляет Бентам) и избегании зла (Бентам использует здесь термин «несчастье»). Подразделив все законы на два общих класса – «онтологических» (законы, выражающие сущее) и «деонтологических» (законы, выражающие должное), Бентам относит все правовые нормы ко второму классу, и тем самым противопоставляет последние объективным реальным процессам. Право у Бентама становится некоей суверенной областью общественной жизни.

Дж. С. Милль (1806–1873 гг.) некоторым образом видоизменяет понятие пользы, имея в виду под последней «справедливость». Таким образом, цель законодательства заключается, по Миллю, в утверждении справедливости, в служении справедливости. Сами законы Милль рассматривает,

как и Бентам, в виде правил, команд, обязательных для исполнения каждым индивидом. Право у Милля выступает как источник повеления, субъект правовых отношений, социальная всеобщность (универсальность), метод управления, мотив поведения, способ задействования мотива поведения, система социальных символов, способ коррекции поведения.

Дж. Остин (1790–1859 гг.) наиболее полно и точно выразил основные положения командной теории права, которые в зачаточной форме были сформулированы Бентамом и Миллем. Закон, определяет Остин, – это правило, установленное для одного мыслящего существа другим мыслящим существом, наделенным властью. Есть четыре группы законов. В первую группу входят законы от Бога. Божественные законы не имеют юридического значения и несопоставимы с принципом полезности. Вторую группу образуют позитивные законы в их истинном смысле, поскольку они издаются с целью управления человеческим поведением (эти законы Остин называет «правильными»). В третью группу входят тоже позитивные, т.е. действующие законы, но на этот раз – моральные (их Остин называет «неправильными»). Четвертую группу образуют законы в метафорическом или фигуральном смысле.

Среди их авторов широкой известностью пользуется австрийский ученый Г. Кельзен (1881–1973 гг.), создавший так называемую «чистую теорию права». Подразделив все науки на «каузальные» и «нормативные», один из основоположников венской школы права полностью отказывается от признания объективных причинных связей в «юридическом мире». Так, в частности, он пишет, что преступление – это не причина наказания, санкция – не результат недозволенного акта, ответственность – это всегда следствие нормы. Связь явлений по принципу «должного» Кельзен называет «импутацией». При этом «должное» в системе Кельзена – не какая-то абстрактная этическая категория (Кельзен полностью противопоставляет право этике), а способ конструирования именно «правовых предложений», вызванный тем, что в обществе «царит свобода воли». Другими словами, право в кельзеновской интерпретации отражает не реальные связи и процессы, а служит лишь воплощением представлений о «должном». И поскольку последнее заключено в нормы, право выступает как эмпирически данная система норм.

Сделав в своей теории центральным понятие нормы, Кельзен объявляет ее продуктом воли законодателя, преследующего определенную цель. Задача чистой теории права заключается, соответственно, не в анализе правовой действительности, а в описании некоей замкнутой на самое себя нормативной сферы, которая опять же ограничена рамками логики. Такой подход основывает-

ся на дедукции. Именно поэтому Кельзен понимает правовую действительность исключительно как иерархическую систему норм, где каждая норма вытекает из более общей. В основе всей логической пирамиды норм, по Кельзену, лежит некая «базисная норма», которая не выводится из действительности, а принимается как некий исходный постулат (у Кельзена: «гипотетическое условие»).

Отождествляя право и государство Кельзен, по существу, заносит государство в юридический институт, лишая его сущностной политической природы. В книге «Общая теория права и государства» он пишет, что имеется только одно юридическое понятие государства: государство как централизованный правовой порядок.

Некоторой модификацией нормативистского подхода к праву выступает «теория правил», разработанная Х.Л.А. Хартом (г.р. 1907). Он пишет, что основой социального порядка служат правила поведения и наличие социального контроля, призванного обеспечивать соблюдение названных правил. В примитивных обществах институт социального контроля страдает тремя недостатками: неопределенностью структуры, статическим характером правил (обычаев) и слабостью механизмов принуждения. В цивилизованном обществе неопределенность структуры контроля преодолевается появлением «правил признания», имеющих обязательный характер. Статичность обычаев преодолевается правом, более динамичным и теснее связанным с изменяющимися социальными условиями. Слабость механизмов принуждения преодолевается правосудием, позволяющим принимать уполномоченным лицам властные решения. Весь этот исторический процесс Харт описывает как движение от «первичных» правил к правилам «вторичным», которые, якобы, дополняют первые. Появление права, правопорядка и означает формирование института контроля, опирающегося на «первичные» и «вторичные» правила в их связи и единстве [2].

Третью группу позитивистских учений в социологии права образуют учения, так или иначе связывающие право с государством, в соответствии с чем их с некоторой долей условности можно назвать «государственными». Так, видный немецкий правовед Г. Еллинек (1851–1911 гг.) различал две сущности государства: «социальную» и «правовую». Право, правовой порядок – государственная прерогатива, при этом государственное право имеет своей целью регулирование «социальной» деятельности самого государства, которое воплощает некую общую волю. Основное назначение права – обеспечивать порядок в обществе (Еллинек пишет об охранительной функции права), при этом средством наведения общественного порядка вы-

ступают нормы (правовые). Другая плодотворная идея немецкого ученого касается интегральной природы права – оно, пишет Еллинек, «определяется и обуславливается всеми формами совместной человеческой деятельности».

Не менее известный французский правовед Л. Дюги (1859–1928 гг.) в объяснении права исходит из кантовской идеи социальной солидарности. Последняя обуславливает появление и существование объективного права (существование субъективного права Дюги отрицает). В свою очередь, объективное право реализуется, во-первых, в социальных нормах, и, во-вторых, в деятельности государства как органа «публичной власти». При этом и то, и другое неразрывно связаны. Именно на этом основании Дюги отождествляет вообще нормы социальные и нормы правовые. И, если социальные нормы служат «органическими законами общественной жизни», то государство, по Дюги, является частью «общественного организма». Он пишет: «Следует, чтобы власть осуществлялась в сотрудничестве представителями всех социальных сил, существующих в стране».

Питиримом Сорокиным (1913 г.) разработана теория волнообразной социокультурной динамики. Культура, по его мнению, реализует основополагающий принцип мироощущения и мировоззрения во всех своих элементах искусства, религии, политики, права, морали. Сорокин оптимистически характеризует исторический процесс: если культура находится в кризисе (как, по его мнению, современная западная), это означает, что данная мировоззренческая суперсистема исчерпала себя и зарождаются новые основания для формирования иного культурного типа.

За войнами и конфликтами эпохи П. Сорокин видит их истоки – противоположные тенденции, вносящие раскол в ценностные основания человечества в целом. В них обнаруживается, с одной стороны, разрушение чувственного миропорядка, а с другой, – появление элементов нового интегрального строя. Будучи обусловленными когнитивными факторами, эти две тенденции, вместе с тем, сопровождаются конфликтом морального порядка. Наблюдается острейший кризис этических идеалов человечества. П. Сорокин фиксирует следующие негативные явления: релятивизация и атомизация всех этических ценностей; их деградация до уровня простой «рационализации», которая маскирует эгоистические интересы индивидов и коллективов; потеря ими ценности и престижа; уступка грубой силе как единственному контролирующему фактору в человеческих отношениях; проистекающее из этого обилие войн, революций и т.п. В результате

человечество оказалось на грани апокалиптического саморазрушения.

Но всем этим фактам противодействуют примеры обратного порядка: осознание людьми моральных норм как вечных и универсальных; яркие примеры человеческого героизма и самопожертвования, и т.д. Иначе говоря, задача политических и моральных лидеров мира состоит, как раз, в том, чтобы устранить несовпадение «линий фронта»: чтобы добро и зло действительно разошлись по ее разные стороны (хотя бы в общем, потому что в абсолюте это, конечно, невозможно). Наверное, особенно ясно это становится, если учесть, что в «войне с терроризмом» никакой линии фронта (в буквальном смысле этого слова) нет. Очевидно, что все попытки «прочертить» ее на конкретном ландшафте, например, как это было в Ираке, не соответствовали поставленной задаче: географические параметры линии фронта имели мало общего с реальной «передовой» в борьбе с террористами [6].

В написанной вместе с У. Ланденом книге «Власть и мораль» П. Сорокин прогнозирует, какими должны быть руководители новой эры, какие качества потребуются от них для эффективного государственного управления. Традиционные политики, по мнению авторов, уходят в прошлое, так как «техническая сложность сегодняшнего мира требует больших интеллектуальных навыков, чем это им обычно присуще. В конце концов, политиков заменят ученые» [3]. Но они, в свою очередь, нуждаются в эффективном теоретическом инструментарии. Рассуждая о возможностях социальной науки направлять процессы политической и культурной жизни, П. Сорокин сравнивал в этом смысле потенциальные ресурсы специализированных отраслей социологии, чья цель и состоит в рекомендациях для непосредственного применения и обобщения социологических теорий, чьи силы в этом отношении, вроде бы, ограничены. Но его вывод был как раз противоположным: общие теории, по его мнению, «имеют важнейшую практическую пользу и величайшее практическое влияние. Их роль в руководстве и практическом влиянии на историческую судьбу человеческого рода должна возрастать» [8].

Таким образом, в своей первооснове методологическое своеобразие социологического подхода к изучению права заключается в том, что оно изучается в рамках познавательного континуума: «общество и право». Несмотря на видимую простоту этого исходного положения правовой социологии, оно, тем не менее, задает главные параметры социологоправовых исследований, эксплицитно вбирает методологическое многообразие оснований правопознания в социологии.

Библиографический список

1. Глазырин В. А. Методологические основания становления социологии права в западноевропейской социологии XIX начала XX веков: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 28 с.
2. Глазырин В.А. Социология права в Западной Европе: от А. Токвиля до М. Вебера: монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2003. – 160 с.
3. Джонстон Б.В. Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени // Социс. – 1999. – № 6.
4. Мэн Г. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. – СПб., 1873. – С. 279.
5. Плахов В.Д. Западная социология. Исторические этапы, основные школы и направления развития (XIX–XX вв.): учебное пособие. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – С. 156.
6. Сорокин П.А. Причины войны и условия мира // Новый журнал. – 1944. – № 7.
7. Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Munchen – Leipzig, 1913. – S. 3.
8. Sorokin P. A. Practical Influence of Impractical Sociological Theories // Sociology and Social Research. – 1962. – Vol. 47. – № 2.

Красильникова Юлия Вячеславовна – старший преподаватель кафедры «Менеджмент» НОУВПО «Московский институт управления», аспирант Учреждения Российской академии наук «Институт социально-политических исследований», e-mail: krasilnikovayuliya@yandex.ru

Научно-практический журнал

«МИР» (Модернизация. Инновации. Развитие)

приглашает к сотрудничеству новых авторов

Основные требования к статьям:

1. Статья представляется в электронном виде в форматах .doc и .rtf и в виде распечатки. Статья на бумажном носителе должна строго соответствовать рукописи на электронном носителе. Все аббревиатуры следует расшифровывать. Возможно предоставление научной статьи и сопроводительного письма по электронной почте.
2. Распечатка научной статьи должна быть подписана автором с указанием даты ее отправки.
3. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, напечатанных через 1,5 интервала с размером шрифта не менее 12. Рекомендуемый тип шрифта – Times New Roman.
4. К каждой статье необходимы ФИО автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на русском и английском языках.
5. Авторам статей, утвержденных к публикации Научно-редакционным советом, в обязательном порядке необходимо заполнить анкету автора и выслать на электронный адрес журнала свою фотографию в графическом формате (.jpg, .tif).
6. Оформление библиографического списка, обязательного в конце статьи, должно соответствовать ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Научно-редакционный совет оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, не публикуются и не возвращаются авторам.

Статьи и все материалы к ним ждем по адресу: info@idnayka.ru